

РОЛЬ СЛОВЕСНОГО КОМПОНЕНТА В ОХОТНИЧЬИХ ОБРЯДАХ ТУВИНЦЕВ

Охотничий промысел у тувинцев наряду со скотоводством был весьма значимой отраслью хозяйства. Однако до сих пор вербальные тексты, включенные в структуру охотничьего ритуала, не стали предметом специального анализа. Исследователи традиционной обрядности тувинцев обращали внимание лишь на сам ритуал как составную часть всего обрядового комплекса [Потапов, 1969; Вайнштейн, 1991; Алексеев, 1980]. При таком подходе обрядовый текст, являющийся смысловой и сюжетной доминантой ритуала, оставался вне поля зрения ученых.

Целью данной статьи является определение роли и места вербального компонента в структуре охотничьего обряда.

По мифологическим верованиям тувинцев, звери были собственно-стью духа-хозяина тайги. Поэтому успех в охоте зависел не столько от умений и мастерства охотников, сколько от доброго отношения духов-ээ. Охотникам они показывались в образе красивых молодых девушек, любящих пение и музыку. Охотник, прибыв к предполагаемому месту промысла, первым делом угощает духа-хозяина тем, что было у него из провизии, привязывает жертвенные полоски материи – *чалама* к дереву и обращался к духу (ээ). Поэтические тексты, сопровождающие этот обряд, представляют заклипания-*чалбарыглар* с просьбой к божеству об удачной охоте.

Промысловые обряды охотников, проводимые ими с целью успешной охоты или при длительных неудачах на промысле, могут относиться и к коллективным, и к индивидуальным обрядам, в зависимости от числа участников. И, соответственно, заклипания произносились либо одним человеком от лица всего коллектива или индивидуально. Основной обрядовой функцией заклипаний, как одного из обязательных звеньев проводимого обряда, является испрашивание милости и покровительства, удачи и счастья для себя (при индивидуальных обрядах) или для всех сородичей (при коллективных обрядах).

Заклипание, в отличие от других обрядовых жанров: благопожеланий, восхвалений и проклятий, сопровождается обязательным подношением дара (жертвоприношения / угощения) духам-хозяевам. Это делается перед произнесением или во время произнесения заклипаний. Дароподношение можно объяснить тем, что простой смертный человек, вступая в «диалог» с могущественными духами, пытался их умиловить.

Каждый охотник мог сочинить, сымпровизировать заклипание от своего имени. Тексты были короткими или длинными, в зависимости от ма-

стерства исполнителя. Однако основная канва, каноническая структура текстов сохраняется, хотя в них отчетливо проявляется и вариативность.

Произнося *чалбарыг*, охотник в меру своей способности и таланта, например, так начинал живописать тайгу, услаждая слух божества:

Салаа кирбес шыргайлыг,

Салгын өтпес мээстиг.

Адыр мыйыстыг сыынныг,

Адыгыр кудуруктуг аңныг,

Алдын таңдым, хайыракан!

Эзимниг аргазында

Элик-хулбус дешкилешкен.

Аар ийин, бээр ийин

Аргар-кошкар аңы долган.

Девээлиг хаязында,

Те-чуңмазы дешкилешкен,

Алдын таңдым, хайыракан!

Аштаан амытан

Адап келир,

Мактап ханмас

Алдын таңдым, хайыракан!

[РФ ТИГИ, т. 269, д. 2020].

Восхваляя богатства горной тайги, заклинаящий не только выражает свое уважение и почтение к ее духу-хозяину, но и пытается всеми силами овладеть его вниманием, добиться расположения. Порой тексты заклиняющий-чалбарыг бывают и краткими:

Ак пөзүмнү өргүп тур мен,

Артыжымны кыпсып тур мен.

Саңымны салып тур мен,

Чажыымны чажып тур мен.

[РФ ТИГИ, т. 266, д. 1095].

Композиционно все анализируемые нами тексты заклинаний, независимо от их тематики, сходны. Они состоят из трех смысловых блоков: **обращения/восхваления – описания угощения-жертвоприношения –**

Имеющая густые леса, куда не
просунуть и пальца,

Имеющая лощины, куда не
проникнуть и легкому ветерку,

Имеющая марала с
раскидистыми рогами,

Имеющая зверя с пушистым
хвостом,

Моя золотая тайга, *хайыракан* !*

В твоём таежном лесу

Косули резвятся.

[Горные] склоны с одной

и другой стороны

Полны зверями-архарами.

На скалах в тенистых местах

Дикие горные козлы резвятся,

Моя золотая тайга, *хайыракан*!

Изголодавшийся без еды,

Обращаясь к тебе, приходит,

Не восхваляемая

Моя золотая тайга, *хайыракан*!

Преподношу свою белую
материю,

Зажигаю свой можжевельник.

Возжигая жертвенный костер,

Окропляю тебя.

хайыракан – почтительное обращение к духу-хозяину (здесь и далее переводы автора)

просьбы к духам-хозяевам. Они не имеют строгой последовательности: некоторые смысловые блоки могут меняться местами или вовсе отсутствовать. Обязательным же, устойчивым смысловым блоком для всех заклинаний является изложение просьбы. Следовательно, исходя из композиционной структуры заклинаний, их условно можно разделить на три группы:

1 – трехчастные заклинания, содержащие все три смысловых блока: обращение/восхваление – описание угощения-жертвоприношения, преподносимого им, – просьба к духам;

2 – двухчастные заклинания, которые содержат два блока из трех: просьбы к духам – описание угощения-жертвоприношения **или** обращение/восхваление – просьба к духам;

3 – одночастные заклинания, имеющие только один блок с просьбой, обращенной к высшим силам.

Примером первой группы является следующее заклинание охотника, обращенное к духу-хозяину тайги, состоящее из трех смысловых блоков:

<i>1 Кара шайым хайындыргаи,</i>	Вскипятив свой черный чай,
<i>2 Хамык чемим делген салгаи,</i>	Всю имеющуюся еду расставив,
<i>3 Алдайның алды кырлыг</i>	С шести горных хребтов Алтая
<i>4 Артыжын өргүп салдым</i>	Можжевельник я преподнес.
<i>5 Бажында меңгилиг,</i>	С обвалами у подножия,
<i>6 Баарында көшкелиг,</i>	С вечным снегом на вершине,
<i>7 Аштаан чүве</i>	[К тебе] голодный,
<i>8 Айтырып кээр,</i>	Испрашивая, приходит,
<i>9 Сускаан чүве</i>	[К тебе] жаждущий,
<i>10 Сураглап кээр,</i>	Расспрашивая, приходит,
<i>11 Ачылыг, хайыралыг</i>	Благодатная, милостивая,
<i>12 Алдын-кызыл таңдым!</i>	

<i>13 Идик-хевим элетте,</i>	Красно-золотая моя тайга
<i>14 Ал-ботту моготта,</i>	Обуви-одежде моей не дай
<i>15 Ийиштиң эжин,</i>	износиться,
<i>16 Чангыстың бодун,</i>	Меня утомляться не заставляй,
<i>17 Кырган дижениңден,</i>	Из двойни -
<i>18 Кыдыг – кызыгаарындан,</i>	Только одну,
<i>19 Кулаан</i>	Старую белку
<i>20 Кумнап,</i>	С дальних окраин,
<i>21 Караан</i>	Уши
<i>22 Хаптап,</i>	Затыкая [ей],
<i>23 Өриээ хайыралап,</i>	Глаза
<i>24 Өргүп берем, таңдым!</i>	Затыкая [ей],

[РФ ТИГИ, т. 75, д. 315].

Преподнеси, моя тайга!

В данном заклинании I блок – описание жертвоприношения (строки 1-4); II блок – текст обращения-восхваления (строки 5-12); III блок – текст просьбы (строки 13-24).

Ко второй группе можно отнести заклинание, произносимое во время освящения обо (*оваа*), где I блок – обращение-восхваление (строки 1-4); II – просьба (строки 5-7).

<i>1 Бурунгу өгбелерниң чурттап чорааны</i>	На земле, где жили древние предки,
<i>2 Буурул баштыг Алдай таңдым!</i>	Моя седоглавая Алтай тайга! С древних пор, где жили мои предки,
<i>3 Эрте-бурун өгбелерим чурт- тап чорааны</i>	Моя высокогорная Алтай тайга!
<i>4 Экти бедик Алдай таңдым!</i>	Одари лучшим,
<i>5 Экини хайырлаңар,</i>	Отстрани дурное,
<i>6 Бакты чайладыңар, Хайыралыг Алдай таңдым!</i>	Моя милостивая Алтай тайга!

[РФ ТИГИ, т. 301, д. 2154].

Примером заклинания, состоящего только из одного компонента – просьбы, является заклинание охотника, в котором он просит у духа-хозяйина тайги подарить определенного зверя:

<i>Удур уткуп, доора дозуп,</i>	Выходи навстречу, сделай засаду,
<i>Алды араатандан хайырла.</i>	Одари [меня] разными зверями.
<i>Кара киштиң караандан дизе,</i>	Шкуру черного соболя дай нанизать за глазницы,
<i>Эрээн киштиң эринден дизе.</i>	Шкуру светлого соболя дай нанизать за губы.

[РФ ТИГИ, т. 75, д. 315].

Как было отмечено, в большинстве случаев заклинания начинаются с обращения к духу-хозяйину, с восхваления его достоинств. Это связано с существовавшим народным поверьем, что перед просьбой необходимо «усладить слух» божества, красочно представив его достоинства. Затем следует описание жертвоприношения, сделанного духу-хозяйину. Только после такого “умилостивительного” вступления человек, произносящий заклинание, излагал свою просьбу. В некоторых случаях, словесный рассказ о жертвенных дарах мог отсутствовать, хотя само обрядовое действие обязательно исполнялось (окропляли чаем, угощали щепоткой табака, развешивали жертвенные полоски материи и т.д.).

В лексико-стилистическом плане заклинание имеет ярко выраженный просительный тон, так как человек устанавливает контакт с духом-хозяйи-

ном и обращается к нему с определенной просьбой. Уничижительные самохарактеристики, к примеру: *самдар чолдак хептиг мен* ‘я в старой рваной одежде’; *аштадым, суксадым* ‘изголодавшийся, жаждущий’; *эледим, түредим* ‘измучившийся’; *ядыы-мөчү улус бис* ‘мы бедные-нищие люди’ – в текстах заклинаний сосуществуют с архаичной лексикой высокого стиля (*өршээңер* – ‘смилуйтесь’; *хайырлаңар* – ‘помилуйте’; *чайладыңар* – ‘отведите [беду]’) и использованием в монологе глагольной формы 2-го лица единственного или множественного числа (*силер* – вы), подчеркивающей уважительное отношение к духу:

<i>Аштаан ботту тоттуруңар,</i>	Меня, голодного, насыщайте,
<i>Адым-хөлүм моготтаңар,</i>	Мою лошадь не утомляйте,
<i>Алдын таңдым,</i>	Моя золотая тайга,
<i>Авыраңар, өршээңер!</i>	Помогите, помилуйте!

[РФ ТИГИ, т. 39, д. 168].

В своих просьбах люди могли обходиться и без уничижительных самохарактеристик, используя только глагольные формы 2-го лица множественного числа. Например, охотник просил духа-хозяина тайги помочь ему следующим образом:

<i>Көөр караан көжсегелен,</i>	Видящие глаза [зверю]
	закрывая,
<i>Дыңнаар кулаан</i>	Слышащие уши [ему]
	затыкая,
<i>Дуушкуннеп көрүңер,</i>	<u>Пожалуйте</u> [мне его],
<i>хайыракан!</i>	<i>хайыракан!</i>

[РФ ТИГИ, т. 17, д. 53].

Другой пример:

<i>Артынчаам долдуруп</i>	Мою суму наполняя,
<i>өршээңер, таңдым!</i>	<u>смилуйтесь</u> , моя тайга!

<i>Диленген дизиим долдуруп</i>	Мне просящему, подол
<i>өршээңер, таңдым!</i>	наполняя, <u>смилуйтесь</u> , моя тайга!

[РФ ТИГИ, т. 57, д. 252].

В обрядовой поэзии других сибирских народов, когда человек обращается к одному духу-хозяину, подобные синтаксические обороты не встречаются. Например, якуты (саха) к духу охоты *Байаная* обращаются на «ты» – (*ен*):

<i>Туора тобуктааххыттан</i>	[Зверей], выпуклые коленные
	суставы имеющих,
<i>Тосхоллоон кулу даа!</i>	Ко мне [Байанай] <u>направь</u> ,
	пожалуйста!
<i>Адаар муостааххыттан</i>	Развилытые рога имеющих
<i>Анаан кулу даа!</i>	Мне <u>пошли</u> , пожалуйста!

*Ардай аһыылааххыттан
Айан кулу даа!
Урун туулээххиттэн
Өллөйдөөн кулу даа!*

[Обрядовая поэзия саха..., 2003,
с. 138-139].

На наш взгляд, применение высокого стиля в заклинаниях тувинцев обусловлено строго уважительным отношением к духу и жизненно необходимой потребностью, которые и определяют характер прошения.

«Общение» со сверхъестественными силами предполагает присутствие в заклинаниях обращений. Например: *таңдым* – ‘моя тайга’; *от-бурганым* – мой огонь-божество; *аржааным* – мой целебный источник; *дыдым* – моя лиственница и т.д. Они по положению в тексте могут быть:

Инициальными (начальными):

Каң-хулер от-чаячым,

Өршээ, хайыракан!

Анай-хураган

Дешкилежит турзун!

[РФ ТИГИ, т. 14, д. 62].

Медальными (срединными):

Чораан ботка

Човаг чок болзун, арттым!

Чорук аьдынга

Соодуг чок болзун.

[РФ ТИГИ, т.233, д.944].

Финальными (конечными):

Өөрүшкү-маңнайдан,

Олча-омактан хайырла,

Бедик таңдым!

[РФ ТИГИ, т.57, д.252].

В заклинаниях люди, обращаясь к духам, наделяли их эпитетами, которые со временем становились устойчивыми формулами:

Ачылыг-хайыралыг,

Алдын-кызыл таңдым!

[РФ ТИГИ, т. 266, д. 1095].

Подобные образные выражения являются не только художественно-изобразительным средством, но и одним из смысловых блоков композиционной структуры заклинаний – обращением.

Острые клыки имеющих
Мне предназначь, пожалуйста!
Белую шерсть имеющими
Меня одари, пожалуйста!

Мой бронзово-стальной,
огонь-творец,

Помилуй, *хайыракан!*

Пусть козлята-ягнята

Резвьясь, растут!

Самому едущему

Пусть усталости не будет,

мой перевал!

Коню, переходящему тебя,

Пусть не будет нужна остановка
на отдых.

Радости,

Добычу-удачу подари,

Высокая моя тайга!

В заклинаниях, главным образом, употребляются простые глаголы, имеющие семантику «прошения и дароподношения»: *чалбарыыр* «просить милости», *чажар* «окроплять», *тейлээр* «молиться», *өргүүр* «преподнести», *хайырлаар* «миловать, дарить». Они в текстах указывают на преклонение человека перед сверхъестественными силами, его просьбу о чем-либо, описывают даруемую «жертву» приносимую духу-хозяину данной местности.

В некоторых заклинаниях охотник не ограничивается восхвалением духа-хозяина тайги. Он просит духа-хозяина помочь ему в охоте, подробно излагая свою просьбу, даже иносказательно называет определенных зверей, которых хотел бы получить от него:

<i>Дазыл дег мыйыстыңдан</i>	Имеющего, как корень, [большие] панты,
<i>Дазагар эмиглиңден,</i>	Имеющего, [раздутое] вымя,
<i>Соп чшир чилиглиңден,</i>	Упитанного животного, имеющего вкусный костный мозг,
<i>Сорулаар чаглыңдан,</i>	Имеющего [много] жирного мяса,
<i>Дыннаар кулаан дүүшкүннеп,</i>	Заткнув [его] слышащие уши,
<i>Көөр караан көжегелеп,</i>	Закрыв [его] видящие глаза,
<i>Удур уткудуп,</i>	Выведи навстречу,
<i>Доора дозудуп,</i>	Поставь поперек,
<i>Хайырла, хайыракан!</i>	Подари, <i>хайыракан!</i>

[РФ ТИГИ, т. 179, д. 667].

Использование охотниками иносказаний, обусловлено запретом на прямое название зверя, так как считалось, что они, как и люди, могут слышать человеческую речь и почувствовать угрозу. Кроме того, употребление обычного имени зверя могло оказаться «недостаточно почтительным и навлекающим на охотника неудачу» [Яковлев, 1900, с. 64]. Словосочетание «имеющего, как корень, [большие] панты» подразумевает марала, а «имеющего [раздутое] вымя» – маралуху.

Зверей, находящихся в самых труднодоступных и непроходимых местах, не называя их, не перечисляя, охотник просит спустить на видное место или показать ему:

<i>Бедиктээзин</i>	Высоко находящихся
<i>Оргаа дүжүрүңер.</i>	На равнину спустите.
<i>Шыргайдаазын</i>	В дебрях находящихся
<i>Акка өткүдүңер.</i>	Вблизи покажите.

[РФ ТИГИ, т. 236, д. 964].

Не пользуясь терминологическими названиями зверей, охотник дает понять, что ему нужны именно такие:

<i>Чоон чодалыңдан,</i>	С толстой голенью,
-------------------------	--------------------

*Хайышкак кырылыыңдан
Хайыракан!
Чара кагар сөөктүгден,*

*Саргарар чаглыыңдан,
Авыра!*

[РФ ТИГИ, т. 184, д. 729].

Такие же описательно-табуированные характеристики широко использовали в своих заклинаниях и охотники-якуты. Например:

*Кыһам дайдыга
Кылааннаах туулээххин
Быһа кымньылаанын,
Элиэ дайдыга
Эргэнэ муостааххын эрчийэн,
Тогой сиргэ
Дьорогоно сотолооххун
тосхойон
Бизэрэ турдагын буоллун!*

[Обрядовая поэзия саха...,
2003, с.144-145].

При богатой добыче охотник тоже делал жертвоприношение, чтобы и в дальнейшем ему также сопутствовала удача. Следующее заклинание о том, как охотник благодарит духа-хозяина за содействие в охоте:

*Аар ийинден алдым,
Бээр ийинден бердиң.
Туманга дуглавадың,
Туругга чажырбадың, таңдым!
Арзагарым алган,*

*Аксы мурнаан диве.
Чилиглимни чиген,*

*Чилби чазый диве.
Аксымны шимчеттиң,
Холумну үстедиң,
Кожумну долдурдуң, таңдым!*

[РФ ТИГИ, т. 193, д.1095].

В данном заклинании, которое исполнялось после удачной охоты, видно, что мольбы уступают место благодарности божеству за добычу.

С кривой локтевой костью
[пошли], хайыракан!
Имеющего [трубчатую] кость,
чтобы надвое расколоть,
Имеющего желтый жир [пошли],
Окажи милость!

В узкие проходы
Драгоценный мех носящих
Кнутом подгоняй,
К загородам
Ветвисторогих приучая,
К излучинам [рек]
Длинноноленных направляя,

Нам промышлять всегда
позволяй!

Взял с крутого склона,
С другого склона ты отдала.
В тумане ты не скрывала,
В утесе ты не прятала, моя тайга!
Не говори, что твоего зубастого
взял,
Что я думаю только о своем рте.
Не говори, что твоего упитанного
съел,
Что я прожорливый.
Рот мой ты пошевелила,
Руки мои ты смазала жиром,
Ты суму мою наполнила, моя
тайга!

При длительных неудачах на промысле охотники вновь приносили жертвоприношения духу-хозяину и с помощью заклинания просили о добыче. Подробно перечисляя все свои беды, невзгоды, они старались найти самые убедительные слова:

*Идиктиң эви хаяда калды,
Эдектиң эви хараганда калды.
Канчалдың, чоондуң таңдым!
Эр бодум элей бээдим,
Эдик-хевим элей бээди,*

*Ал бодум човай бээдим,
Аштаан хырным тоттуруп көр,
таңдым!
Саңым салып, чажыым чажып,*

*Чалбарып тур мен, таңдым!
Аштаан хырным тоттуруп,*

*Ал бодум дыштандырып көр,
таңдым!*

[РФ ТИГИ, т. 266, д. 1095].

В степных районах юго-восточной Тувы охотились и на сурков. Их добывали ради шкурок, мяса и жира. Особо ценился людьми жир сурков, обладающий целительными свойствами. Люди, промышленяющие сурков, также приносили духу-хозяину жертвоприношения и просили у него добычу. Охотники Монгун-Тайгинского района, которые добывали сурков, перед промыслом произносили, например, такое заклинание:

*Мургуң мурнат,
Тачың дагжат.*

*Кадыг чериң чымчат,
Хая-дажың божат,
Ырак дүвүң чоокишлат,
Удур уткут, таңдым!*

[РФ ТИГИ, т.57, д. 253].

Говоря об охотничьих обрядах, необходимо также отметить, что в устно-поэтическом творчестве тувинцев до сих пор широко бытуют мифы и предания о духах-хозяевах тайги, об охотниках. Они, по нашему мнению, служат средством закрепления определенных правил охоты, почтение к духам природы, поведения самих охотников на промысле.

Обувь осталась на скале,
Подол остался на караганнике.
Что делаешь, как же так,
моя тайга?
Я, сильный телом, устал,
утомился,
Моя обувь-одежда износилась,
Сам я измучился,
Постарайся, насыть мой
голодный желудок, моя тайга!
Возжигаю жертвенный костер [и]
окропляю,
Молюсь тебе, моя тайга!
Постарайся насытить мой
голодный желудок,
Дай мне отдохнуть, моя тайга!

Своего самца толкай вперед,
Свою самку заставь производить
шум.
Твердую землю смягчи,
Скалы-камни [сделай] шаткими,
Дальний конец норки приблизь,
Выводи [их] навстречу, моя тайга!

Таким образом, можно утверждать, что роль заклинаний в структуре и семантике всего охотничьего ритуала чрезвычайно велика. Именно словесная часть ритуала определяет его магическую направленность. Вербальный компонент как обязательное звено в структуре охотничьих обрядов призван выказывать уважение к духу-хозяину, затем смоделировать ситуацию прошения, чтобы дух среагировал на просьбу, от чего зависел успех или неуспех промысла. Обязательное применение в заклinationиях высокого стиля, присутствие обращений почтительного названия божества и иносказаний обусловлено мифологическими воззрениями народа.

Список литературы и источников:

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. – М.: Наука, 1991.
- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука, 1969.
- Обрядовая поэзия саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, П.Е. Ефремов, В.В. Илларионов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 512 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 23).
- Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, 1900.
- РФ ТИГИ, т.269, д. 2020
- там же, т. 266, д. 1095
- там же, т. 75, д. 315
- т. 301, д. 2154
- т. 75, д. 315
- там же, т. 266, д. 1095
- там же, т. 39, д. 168
- там же, т. 17, д. 53
- там же, т. 57, д. 252
- РФ ТИГИ, т.14, д. 62
- там же, т. 233, д. 944
- там же, т. 57, д. 252
- там же, т. 266, д. 1095
- там же, т. 179, д. 667
- РФ ТИГИ, т. 236, д. 964
- там же, т. 184, д. 729
- РФ ТИГИ, т. 193, д. 1095
- т. 266, д. 1095
- там же, т. 57, д. 253.